

пропадающая въ какомъ-то далекомъ туманѣ, и по этой дорогѣ, усѣянной дѣлами лжи, обмана, корысти неправой, жестокости, идетъ спѣшнымъ, бодрымъ шагомъ богатырь и рубить, и бьетъ окружающую неправду, и таеетъ она предъ нимъ, позорно прячется, исчезаетъ безслѣдно въ туманной мглѣ. Народнымъ героемъ выступаетъ богатырь въ большихъ городахъ, геройски онъ жертвуетъ собою за правду предпринятаго имъ подвига и душу свою изъ-за гроба посылаетъ на ту же борьбу...

— Прекрасно, Ермолай Ивановичъ,—вы настоящий проповѣдникъ,—произнесъ при заключительныхъ словахъ стихотворенія знакомый, насмѣшливый голосъ. Мы совсѣмъ растерялись отъ страха и застыли, какъ были, на мѣстахъ. Ермолай Ивановичъ тоже поблѣднѣлъ. Его рука, державшая книгу, примѣтно дрогнула.

— Кажись, тутъ ничего худого нѣтъ?—первно возразилъ онъ.

— Встать, олухи! — скомандовалъ намъ нашъ смотритель и затѣмъ прежнимъ язвительно-любезнымъ тономъ отвѣтилъ Ермолаю Ивановичу:

— Какъ вамъ сказать-съ?!. Незнаю-съ, не все слышалъ... Худо только то, что неизвѣстно, кто вамъ далъ право просвѣщать,—вотъ въ чемъ собственно дѣло.

Тутъ Ермолай Ивановичъ вспыхнулъ, но вспышка его скоро потухла. Онъ какъ-то съежился, присмирѣлъ и смотрѣлъ убитымъ и виноватымъ. Смотритель удалился.

— Братцы, братцы, что я съ вами надѣлалъ, непутный? Вѣдь загубилъ я васъ!.. Что, ежели васъ выгонять,—вѣдь это мнѣ—петля!..—вдругъ, неожиданно для насъ заговорилъ старикъ.

— Что вы, Ермолай Ивановичъ?.. Какъ можно!.. Чѣмъ вы-то виноваты... Мы виноваты, мы къ вамъ сами шлялись... Знали вѣдь, что у насъ ругаются за то!—разомъ заговорили мы. — Да и не выгонять!.. У насъ вѣдь ужъ экзамены идутъ; все одно—здѣсь же будемъ больше!..

Ермолай Ивановичъ зарыдалъ...

Мы были однако правы. Намъ пришлось поплатиться только карцеромъ, даже «поведенія не замарали» въ нашихъ свидѣтельствахъ.

V.

... Но что за образы, Создатель мой, что за знакомства для маленькаго мальчика, который желаетъ быть «паинькой»!.. Вотъ и этотъ, мой первый городской другъ, стоитъ какъ живой предо